

Дом порока

House of Evil

© Robert Desmond,

Пер. Игорь Самохвалов и Хатуль Мадан

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Не торопись, дорогая, и постарайся сделать вид, что меня вообще нет с тобой в этой комнате, - с легкой усмешкой инструктировал Джордж Блэквелл потрясающе красивую рыжеволосую девушку. - Я просто поработаю здесь некоторое время.

— Да, сэр, - ответила Надали Паркер мягким, застенчивым голосом, мило кивнув, когда она наклонилась, чтобы протереть пыль на книжной полке в нескольких футах от места, где ее новый работодатель сидел за огромным письменным столом из красного дерева, и его внимательный, но в то же время тревожный взгляд, казалось, насквозь пронизывал ее белую униформу горничной. Она почувствовала холодную дрожь, как будто его взгляд раздевал ее догола, и сам факт его заверения, что она не должна обращать на него внимания, потому что он "работает", заставил ее чувствовать себя еще более неуютно в его присутствии. Ведь он вовсе не работал, а просто сидел и почти пялился на нее, оглядывая ее тело сверху донизу со странной одобрительной улыбкой на суровом лице. Ее рука непроизвольно задрожала, когда она провела метелкой из перьев по верхушкам книг, и она внезапно обнаружила, что не может сосредоточиться на том, что она делает в данный момент времени.

"Господи, какая невинная, сочная молодая сучка!" - подумал про себя Джордж, любуясь пышной девичьей фигурой своей новой служанки. Она была почти как игрушка, сексуальная маленькая восемнадцатилетняя игрушка, с длинными медно-рыжими волосами и большими трепетными изумрудно-зелеными глазами. И он был рад, что позволил своей жене, Долорес, уговорить его купить Надали "униформу", которую она носила. Это была кружевная блузка и что-то вроде сарафана для маленьких девочек с затянутой талией и короткой юбкой, которая подчеркивала каждый дюйм тела прелестной девушки, от глубокого декольте между большими, упругими, белыми грудями до сужающейся тонкой талии и округлого изгиба ее пышных ягодиц, переходящих в длинные полные бедра и, ниже, в хорошо сформированные икры и лодыжки... Черт, да на нее было просто аппетитно смотреть! Он с нетерпением ждал, когда же его руки и рот окажутся на этих спелых молодых изгибах и доведут ее до такого накала страсти, который заставит ее умолять о том, что он, несомненно, сможет дать ей, когда она будет готова. Но она должна быть готова, напомнил он себе, иначе его амбициозные планы на будущее могут так и не осуществиться. Тем не менее, он решил, что сейчас не помешает насладиться её видом на расстоянии. Он невольно затаил дыхание при виде ее сладостной целомудренности. Нельзя было отрицать, что в Надали было что-то особенно уязвимое, в этом

почти “обнаженном” выражении ее лица, которое создавало впечатление, что она нуждается в защите от всего, что ее окружает, и что она была из тех девушек, рядом с которыми мужчины автоматически следили за своим языком и, вероятно, обычно чувствовали себя виноватыми за то, что даже втайне желали ее. В конце концов, она выглядела такой чистой, такой совершенно невинной, такой утонченной и нетронутой суровой жизнью большого города и типами шустрых людишек, которых они с Долорес оставили позади в Сан-Франциско. Но было в ней и что-то еще, что-то более глубокое и волнующе чувственное, врожденная сексуальность, которая, казалось, просто умоляла использовать ее в полной мере. Ну, Господи, он как раз тот человек, который может это сделать, внутренне злорадствовал он, с гордостью думая о себе как об одном из тех редких, редких исключений - человеке, чьи собственные извращения и похоть были в его сознании предметом подлинной чести.

— Тебе нравится здесь, Надали? - прямо спросил Джордж, удивив девушку внезапным звучанием своего голоса.

— О да-да, мне очень нравится, - быстро ответила рыженькая, избегая его взгляда, стараясь держать себя в руках и не выдать своего дискомфорта от нахождения рядом с ним.

— Я тебе нравлюсь, Надали? - спросил он, с ухмылкой продолжая любоваться ее роскошным молодым телом, словно монарх, собирающийся насладиться ритуальным жертвоприношением. Он не мог надивиться ее юношеской гладкости, тому, какой она казалась ко всему непривычной и незапятнанной, хотя он знал, что она замужем за Ньютоном, которого он нанял вместе с ней в качестве шофера и разнорабочего, молодым человеком, который был старше ее всего на два года.

— Ты не ответила на мой вопрос, дорогая. Я спросил, нравлюсь ли я тебе, - повторил Джордж через мгновение.

— Д-да... Вы мне нравитесь, сэр, - заикаясь, пролепетала Надали, слегка покраснев, продолжая работать, не смея поднять глаза на крупного мужчину, сидящего за столом.

— Но что именно тебе во мне нравится? - насмехался он, наслаждаясь ее смущением и тем, как она бессознательно снова вытирает пыль с поверхности книжной полки, которую только что закончила. - Я нравлюсь тебе так же, как твой муж?

— Я... я не знаю, что вы имеете в виду, мистер Блэквелл, - пролепетала прекрасная зеленоглазая девушка, повернувшись, чтобы мельком взглянуть ему в лицо в поисках какого-то знака, какой-то подсказки, и увидела легкую ухмылку на его лице, когда его глаза откровенно проследили контур ее горла до дразнящей долины декольте между полными грудями, свисающими и изгибающимися под марлевой вуалью кружевной белой блузки. Она едва осмеливалась дышать и с тревогой думала, почему он ставит ее в такое неловкое положение, задавая вопрос, на который она явно не знает, как ответить. Она знала, что ее лицо было свекольно-красного цвета, и это знание только еще больше волновало её.

— Ну же, моя дорогая, это простой вопрос, - хрипло усмехнулся он, наблюдая за тем, как ее

полные округлые ягодицы высоко вздымаются в воздух, когда она наклоняется, чтобы провести пером по книгам на нижней полке. - Я уверен, что такая умная девушка, как ты, понимает, о чем я... Я нравлюсь тебе как мужчина, нравлюсь так же, как твой муж? Мне просто любопытно, вот и все, так что ты не должна пытаться избежать ответа по какой-то глупой причине, не имеющей ничего общего с правдой.

— Мне жаль... Мне жаль, - пролепетала она, не в силах решить, что он хотел от нее услышать. Конечно, она не испытывала к нему тех же чувств, что и к Ньютону, своему собственному мужу! Но, возможно, этот суровый мужчина имел в виду что-то другое...

— Все в порядке, дорогая, - сказал Джордж, подделываясь под покровительственный тон голоса, чтобы еще больше запугать ее. - Просто забудь об этом. Я думаю, это не так уж и важно.

— Но, мистер Блэквелл, простите меня, - кротко сказала она, извиняющееся нахмурившись, когда она выпрямилась, чтобы посмотреть на него, и чувство девичьей растерянности нарастало в ней. - Просто я не знаю, что вы хотите от меня услышать.

— Пожалуйста, забудь об этом, - прохрипел Джордж, вытирая ладонью лоб в нарочитом отвращении.

— Но мне действительно жаль, - просипела Надали, испугавшись, что обидела своего работодателя. Теперь она задавалась вопросом, не ошиблась ли она, заподозрив его в том, что, в конце концов, могло быть просто попыткой завязать безобидный разговор. - Я не хотела вас обидеть, мистер Блэквелл, но я просто не понимаю вас.

— Я сказал, забудь об этом, - огрызнулся он, его тон заставил ее отпрянуть от него, как будто на нее надели наручники за глупость. Он сидел и смотрел, как она с новым рвением принялась за уборку комнаты, ухмыляясь про себя, наслаждаясь властью, которую он чувствовал, заставляя эту маленькую сучку выкручиваться. Черт, подумал он, он трахал много женщин, многие из них были молодыми, но никогда он даже близко не подходил к тому, чтобы трахнуть кого-то настолько сочного и наивного, как эта девушка перед ним. Картина того, как она лежит на спине с широко раздвинутыми "невинными" молодыми ногами, и одна лишь мысль о беспомощных столах удовольствия, вырывающихся из этих нежных губ, доводила его член до каменной твердости. Он чувствовал, как кровь болезненно пульсирует в его большой расширенной головке, а крошечные капельки скользкой прозрачной семенной жидкости, которая уже начала просачиваться из чувствительной сокращающейся железы на кончик, размазываются по его мускулистому волосатому бедру. Джордж, молча, исподтишка, он расстегнул ширинку своих дорогих шерстяных брюк, чтобы немного облегчить боль. Затем, прикрываясь массивным столом, он стал медленно подрачивать тяжелую толстую крайнюю плоть взад-вперед по влажной подрагивающей головке члена, поглядывая на красивую рыжую девушку, которая все еще сосредоточенно работала над длинной книжной полкой. Он не смог удержаться от презрительной улыбки, заметив, как она решительно избегает прямого зрительного контакта с ним, держась от него на расстоянии, как будто действительно знала, каким извергом он становился, когда его собственное жадное увлечение непристойными сексуальными ситуациями овладевало его мозгом и телом.

— Ну, неважно, - подумал он про себя, этот большой член, который он сейчас держал в руках, был великим уравниателем, тем оборудованием, которое научит ее правде жизни, и он позаботится о том, чтобы она еще очень долго молилась на него, как на идола наслаждения. Но черт, он едва сдерживался, чтобы не вскочить сейчас же и не повалить ее на пол, чтобы вогнать его глубоко между ее мягкими шелковистыми бедрами. Возможно, его время подойдет завтра или, самое позднее, через день, но, несмотря ни на что, это время скоро, очень скоро придет.

Стараясь не привлекать ее внимания, он хитро расстегнул последнюю пуговицу на ширинке и расстегнул клапаны брюк спереди, чтобы полностью высвободить свой твердый толстый пенис. Он был полностью эрегированным, гордо, угрожающе стоял под столешницей, когда Джордж смаковал мысль о грядущих непристойностях, особенно сосредоточившись на том, каким восхитительным зрелищем было бы увидеть, как его напряженный член выплескивает свою сперму в милое невинное лицо Надали Паркер и вниз по ее мягким бледным грудям, когда она бы стояла перед ним на коленях. Он непристойно представил, как его сперма стекает по ее подбородку к впадинке на ее стройной шее и образует теплые липкие лужицы между ее пышными упругими грудями. Это сводило его с ума, и он снова подумал о том, чтобы пройти через это сейчас и тут, когда он гладил себя до такой степени, что его член угрожал в любой момент извергнуться потоком густой белой спермы... Но нет, еще нет, придержал он себя, пока все не будет идеально организовано в соответствии с планом. Он знал, что возненавидел бы себя, если бы позволил своему минутному нетерпению испортить все пикантное веселье, ожидающее в ближайшем будущем всех в доме.

— Мистер Блэквелл, вас вызывают по телефону внизу, - неожиданно объявил высокий, совершенно лысый мужчина лет тридцати, стоявший у открытой двери в кабинет. Неожданный звук хрипловатого мужского голоса заставил Джорджа слегка подпрыгнуть в своем кресле и выругаться, с ненавистью глядя на незваного гостя. Это был Браун, их с Долорес личный слуга на протяжении последних пяти лет, грубоватый полудурок, хорошо обученный и послушный, но слишком глупый, чтобы соблюдать некоторые формальности.

— Ты, проклятый чертов идиот, я тебе неоднократно говорил, что нужно стучать, прежде чем входить в комнату! - Джордж злобно рявкнул на Брауна. Хриплый потный мужчина сорока пяти лет поднял одну руку с коленей под столешницей, чтобы пригладить свои серебристо-серые короткие волосы, а затем потянулся вниз, чтобы застегнуть ширинку брюк, прежде чем подняться на ноги.

Надали быстро обернулась от книжной полки с выражением изумления на красивом лице при звуке мерзких слов, которые Джордж Блэквелл так жестоко использовал, чтобы отчитать тупого слугу, стоявшего в дверях и не понимавшего, что происходит. Она никогда прежде не слышала, чтобы мужчина так говорил при женщине, и была этим заметно потрясена. Но это потрясение было легким по сравнению с тем, что она испытала, когда Джордж наконец поднялся, и она увидела, как его твердый член упирается в пропитанную спермой ткань брюк. Она почти потеряла сознание, ее тело обмякло, прижавшись к стене, а колени стали легкими, как воздушные шарики, когда она беспомощно смотрела на непристойное, отвратительное зрелище бесстыдной похоти взрослого мужчины. В любое другое время она бы убежала как можно быстрее, чтобы спастись от такой непристойной, вульгарной демонстрации дьявольской плотскости, но сейчас она была парализована, ее ноги были прикованы к полу, и она не могла заставить себя отвести взгляд от его выпуклого мужского достоинства. Она была словно

околдована, очарована неподвижностью, и даже ее собственный внутренний ужас не мог разрушить транс нечестивого очарования, который удерживал ее взгляд, неумолимо прикованный к похожему на шатер выступу в промежности его брюк. Это было безумно, ужасно грешно, чего она никогда раньше не делала в своей короткой спокойной жизни.

В темных пытливых глазах Джорджа мелькнуло довольное веселье, когда он увидел ошеломленное выражение на изящном лице Надали. - Боже, посмотрите на нее, - ухмыльнулся про себя внушительный здоровяк, тяжело шагая к Брауну, который все еще молча ждал у входа. Черт побери, если чувственная молодая горничная не выглядела так, как будто она не заинтересовалась стояком своего нового работодателя! Черт, может, ему стоит просто остаться здесь и забыть обо всех своих тщательно разработанных планах относительно девушки на ближайшее будущее... Может, его интриги на самом деле были излишними... Может, ему стоит попробовать полакомиться вкусным маленьким плодом прямо сейчас.

— Это межгород, мистер Блэквелл, - густо пробурчал Браун почти бесхарактерным голосом, напомнив Джорджу о телефонном звонке, ожидавшем его внизу. - Миссис Блэквелл просила передать вам, что это очень важно и что вам следует подойти как можно скорее.

— Не волнуйся об этом, Браун, - назидательно сказал Джордж, - потому что если это мой близкий друг, то кто бы это ни был, он вполне может позволить себе заплатить за несколько паршивых дополнительных минут телефонной связи, междугородней или нет. - Когда Браун не смог предложить свой бессодержательный ответ, который он обычно говорил после любой фразы, произнесенной Джорджем в его присутствии, богач слегка повернулся, чтобы взглянуть на своего слабоумного работника, и увидел, что лысый слуга рассматривает облегающие формы Надали, его ноздри трепещут, а глубоко посаженные глаза голодно сканируют мягкие округлые конечности девушки.

— Ты, глупый сукин сын, ты напрасно накручиваешь себя, так пялясь на бедную молодую девушку. В любом случае, она замужем, ты же знаешь, - поддразнил Джордж, оскорбительно глядя на уже явно возбужденного болвана. Рассмеявшись вслух, он хлопнул Брауна по плечу и игриво толкнул его в сторону коридора за дверь.

Как раз тогда, когда двое мужчин выходили из комнаты, Джордж еще раз гоготнул через плечо и язвительно сказал: - Надали, милая, я хочу, чтобы ты решила, что именно тебе нравится во мне, когда пойдешь сегодня домой. Мы можем поговорить об этом завтра.

Через секунду после того, как они ушли, прекрасная расстроенная девушка безвольно прислонилась спиной к стене, дрожа так сильно, что едва могла поддерживать собственный вес ногами. Постепенно, понемногу приходя в себя, испытывая облегчение от того, что она снова осталась одна, она начала расслабляться и дышать нормально, впервые с тех пор, как оказалась в этот день в этой комнате.

Когда ее разум начал проясняться, она поймала себя на том, что вспоминает странную

цепочку событий, которые привели ее и Ньютона к тому, чтобы согласиться на их нынешнюю работу с Джорджем Блэквеллом и его суровой, но чрезвычайно активной женой. На работу здесь, в Южном Орегоне, которая хорошо оплачивалась, но была настолько психологически требовательной, что иногда она всем сердцем желала, чтобы они с Ньютоном все еще были в Оклахоме. Жили скромной жизнью, которую только они знали, как молодожены, в крошечном городке за пределами Талсы. Не то чтобы они были там безумно счастливы; не тогда, когда ее муж был таким истово религиозным и трезвомыслящим, каким он всегда был. Но, по крайней мере, она была там среди друзей и чувствовала себя свободнее, когда Ньютон работал служащим на станции техобслуживания в городе. И у них была "мечта", как назвал ее красивый муж-брюнет, что когда-нибудь у них будет достаточно денег, чтобы купить ферму и вырастить детей. Это было все, о чем он когда-либо говорил, и, наконец, она тоже поверила в этот сон.

Затем, однажды вечером, перед ужином, Ньютон прибежал к ней на кухню, возбужденно размахивая газетой "Талса" и указывая на текст в разделе объявлений. - Возможно, это наш шанс осуществить мечту! - восторженно воскликнул он, призывая ее сестру и прочитать объявление, хотя она была занята приготовлением еды. Объявление гласило:

СЕМЕЙНАЯ ПАРА НА ПЕНСИИ ПРИГЛАШАЕТ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНУЮ МОЛОДУЮ ПАРУ:
МУЖА В КАЧЕСТВЕ ШОФЕРА И РАЗНОРАБОЧЕГО И ЖЕНУ, КАК ГОРНИЧНУЮ.
ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ПЯТИКОМНАТНЫЙ КОТТЕДЖ, БОЛЕЕ ЧЕМ ЩЕДРАЯ ОПЛАТА И
МНОЖЕСТВО ЛЬГОТ. ЕДИНСТВЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ: ГОТОВНОСТЬ И ЖЕЛАНИЕ
УЕДИНИТЬСЯ В ПРЕКРАСНОМ ДОМЕ В ЛЕСНОМ МАССИВЕ. ПРИСЫЛАЙТЕ СВОИ
ФОТОГРАФИИ.

Ньютон настоял, чтобы они ответили на объявление, и они провели весь вечер, составляя ответ и выбирая лучшие из своих свадебных фотографий, чтобы сопроводить его. Через неделю они получили ответ, дружеское письмо с согласием, чек на авиабилеты и инструкции встретиться с мистером и миссис Джордж Блэквелл в аэропорту Сан-Франциско в день, до которого оставалось меньше недели. Следующие несколько дней прошли в бешеной суматохе: упаковка вещей, увольнение Ньютона с работы, прощание со всеми, но, наконец, они прибыли в Сан-Франциско и с удивлением обнаружили, что их новыми работодателями оказалась не пожилая пара, как они ожидали.

После совместной выпивки за знакомство они покинули терминал на дорогом блестящем черном "Крайслере" Блэквеллов и поехали в сам город, где Джордж дал им кучу денег и сказал, что это аванс на одежду и личные вещи, которые могут понадобиться им в горной местности, куда они направлялись. Сейчас она вспомнила, как Ньютон практически упал в обморок, когда седовласый пожилой мужчина сказал им, какой будет их зарплата. Это было больше, чем они могли себе представить! В три с лишним раза больше, чем Ньютон зарабатывал дома на станции техобслуживания! Кроме того, предполагались так называемые "премии", которые Блэквеллы должны были выплачивать каждые несколько месяцев, если молодая чета Паркеров с ними "сработается". Пока большая машина мчалась на север к границе штата Орегон, мистер Блэквелл рассказывал, как он сколотил целое состояние на недвижимости в Калифорнии и решил уйти на пенсию, пока он и его жена были еще достаточно молоды, чтобы наслаждаться жизнью. Далее он рассказал, как они искали по всему западному побережью подходящее место для строительства роскошного дома с жильем для прислуги, место, где они могли бы уединиться в прекрасном природном окружении, и как они

были рады, когда, наконец, нашли и купили участок на Перепелином озере. Надали была горда, когда он сказал, что они с Ньютоном были выбраны из более чем двухсот пар, откликнувшихся на объявление почти со всех Соединенных Штатов.

Вечером они прибыли на озеро Куэйл, им выдали большой пакет с формой, а затем Блэквеллы проводили их с фонариком в просторный, прекрасно обставленный коттедж, расположенный примерно в трехстах ярдах от главного дома. Все это казалось сказкой, слишком хорошей, чтобы быть правдой, и Надали была полна почти детского счастья от элегантности их нового дома и кажущегося богатства, которое они будут зарабатывать в качестве просто прислуги.

Это было неделю назад. Но теперь, несмотря на то, что Ньютон был доволен тем, как все складывается, она нервничала и постоянно испытывала чувство необъяснимой тревоги, словно ее благополучие постоянно находилось на грани того, чтобы быть безвозвратно разрушенным не только наглым поведением Джорджа Блэквелла, но и странной смесью непримиримых чувств внутри нее самой. Она боролась с собой также, как боролась и сейчас, против той всепоглощающей обиды на скупое проявление привязанности мужа к ней, хотя больше всего на свете она хотела угодить ему и быть идеальной женой. Она понимала, что ведет себя глупо, но ей становилось все труднее и труднее - особенно в последний период, за то короткое время, что они провели на Перепелином озере, - выносить сильное чувство одиночества, которое она испытывала.

Что ж, решила она, сейчас нет времени ломать голову над такими неважными вопросами. Она была всего лишь молодой новобрачной, и Ньютон, конечно, понимал, что делает, даже если иногда она была несчастна до предела. Кроме того, его кажущаяся холодность по отношению к ней, вероятно, объяснялась тем, что он так старался угодить Блэквеллам и что его мысли были так заняты планами относительно фермы, которая теперь, за одну короткую неделю, стала в меньшей степени "мечтой" и в большей "реальностью" в его сознании. Ее мать предостерегала ее от эгоизма, говоря: - Если ты не можешь быть уверена, что твой мужчина ведет тебя в правильном направлении, тебе не следовало соглашаться следовать за ним.

Натали заметила часы на стене за большим письменным столом, за которым Джордж Блэквелл сидел менее пяти минут назад. Боже, было почти половина шестого, всего двадцать минут до того, как ее муж будет ждать ее в их коттедже, а ей еще предстояло убрать большую часть кабинета! Несмотря на ее беспокойное душевное состояние и смущение, которое она испытала в комнате, она знала, что Ньютон был бы абсолютно взбешен, если бы по какой-либо причине Блэквеллы были недовольны ее работой в качестве горничной. Вздохнув, она выпрямилась и приступила к выполнению задания со свежим приливом энергии, молясь, чтобы она смогла выполнить достойную работу и быть дома, прежде чем ее хватят.

Двадцать минут спустя, с точностью почти до секунды, Надали спешила через сад к лесной тропинке, которая пробиралась через высокие деревья вдоль озера к коттеджу. Внезапно она замерла на месте, услышав позади себя угрожающее рычание. Спустя, казалось, вечность, она медленно обернулась и увидела, что это Бак, огромная черно-коричневая немецкая овчарка, которая почти всегда была рядом с Брауном. В спешке она забыла, что лысый слуга обычно позволял собаке свободно бегать после обеда.

— Иди домой, Бак, возвращайся! - приказала она с неуверенной властью в голосе. Но свирепое животное не сдвинулось с места и сидело в нескольких ярдах позади нее, рыча, двигая головой вверх-вниз и осматривая ее тело, словно человек. Она была напугана до полусмерти, но не могла не восхищаться первобытным животным великолепием Бака. Даже сидя на корточках, он был внушительно велик и дик, даже возбуждающ... Его грудь была широка, как у юноши, и она позволила своим глазам поблуждать от его мохнатой груди вниз по животу цвета пуха до волосатых гениталий, устремленных вверх между его мощными задними конечностями. По какой-то причине мохнатый половой орган собаки напомнил ей эрегированный пенис Джорджа Блэквелла под его шерстяными брюками, так он непристойно торчал, и был, при этом, таинственно возбуждающ. Сейчас в обнаженном мужском достоинстве немецкой овчарки было то же тревожное очарование, словно какая-то могучая скрытая сила, которая угрожала, но в то же время странно возбуждала.

Осознав, что она делает, она быстро подняла глаза и еще долго стояла в замешательстве, гадая, нападет ли на нее зверь. И вдруг она услышала глубокий голос Брауна, зовущий Бака обратно в дом, и с облегчением увидела, как большой пес поднялся и рысью направился прочь, его темные, похожие на толстые стручки яички тяжело опускались между задними ногами. Они казались такими же большими, как у ее мужа - Ньютона, если не больше!

Через несколько минут она была уже на полпути к дому, все еще дрожа от потрясения, вызванного встречей с Баком. Она остановилась в одном из своих любимых мест на тропинке, надеясь немного успокоиться, прежде чем добраться до коттеджа. Через просвет в вечнозеленых деревьях она посмотрела на идиллическое озеро длиной в милю, мерцающее, как расплавленный огонь, в свете позднего полуденного солнца. Это было яркое оранжево-золотое пламя, которое смягчалось и, в конце концов, исчезало в ритмично колеблющейся зеленой воде, плескавшейся о камни, притащенные ледником, и обнаженные снизу изогнутые корни сосен вдоль кромки берега. Господи, как же здесь было красиво! Она должна была признать, что нигде в Оклахоме не видела ничего настолько захватывающего дух. Она почувствовала, как прохладный воздух овеивает ее кожу, ее широко раскрытые зеленые глаза были полны поэзии природы, когда она смотрела на вытянувшийся вдоль водоема, приютившийся на лоне окружающих его высоких пиков.

Как раз когда она повернулась, чтобы уйти, в поле зрения появился ястреб, который кружил высоко над озером, а затем плавно опустился в неподвижном воздухе и сверкнул в солнечном свете, словно золотой парящий шар. О, если бы только она была так свободна, так вольно могла парить и чувствовать расцвет молодости в своих конечностях, быть самой собой и не преследоваться тем, что было внутри нее, что, казалось, поработало ее почти так же, как Ньютон и Блэквеллы.

Вспомнив о времени, она поспешила по укрытой тенью дорожке к коттеджу, где ее муж нетерпеливо ждал, когда она приготовит ужин.